

В конце прошлого года в рамках чествования 90-летия Государственного научно-исследовательского учреждения «Совет по изучению производительных сил» прошла Всероссийская научная конференция «Производительные силы и социально-экономическая динамика». Некоторые материалы из выступлений её участников публикуем на страницах «ЭКО».

Россия и АТР:

ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

П. А. МИНАКИР,
член-корреспондент РАН,
директор Института экономических исследований
Дальневосточного отделения РАН,
Хабаровск

В начале 60-х годов прошлого века академик В. С. Немчинов сформулировал экспортную концепцию развития дальневосточных регионов России, имея в виду экспорт в сопредельные тихоокеанские страны Северо-Восточной Азии. Эта идея уже в 1964 г. оказалась востребованной и начала воплощаться на практике в форме компенсационных соглашений СССР с Японией. По сути дела, это были кредитные соглашения.

В 1986 г. идея оказалась востребованной и политически. Она превратилась в общеупотребительную формулу, и с тех пор идея тихоокеанской интеграции проходила и проходит красной нитью через концептуальные декларации всех государственных документов относительно развития экономики Дальнего Востока и Забайкалья, в частности в программах 1987, 1996 и 2002 гг.

В конце 80-х годов американский профессор Р. Скаладина выдвинул концепцию естественной экономической территории для северной части Азии, имея в виду объективную предрасположенность стран Северо-Восточной Азии к развитию экономической кооперации, и предложил, чтобы

© ЭКО 2006 г.

эта кооперация основывалась на естественном расположении факторов производства и экономических ресурсов в этом субрегионе Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Именно эта идея экономической кооперации в рамках Северо-Восточной Азии была с энтузиазмом воспринята в России и положена в основу аналитических и официальных концепций экономической кооперации восточных районов страны со странами АТР.

В этой концепции России отводилась традиционная роль поставщика изобильных природных ресурсов, являющихся абсолютным экономическим преимуществом страны на фоне бедных этими ресурсами других стран Северо-Восточной Азии. Экономический механизм подобной интеграции был тоже очень прост и казался весьма эффективным: Россия обменивает свои природные ресурсы на капитало-, науко- и трудоемкую продукцию других стран субрегиона.

По существу, подобная модель явилась для России своеобразной ресурсной ловушкой, в которую она с удовольствием и попала. Начиная с середины 80-х годов интеграционные процессы в Северо-Восточной Азии, независимо от участия в них России, становились все более интенсивными. Если в 1986 г. суммарная торговля трех ведущих стран Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии составляла только 16% мировой торговли, то к 2010 г. эта доля превысит 26%. При этом следует учесть и то, что эти регионы для России являются в географическом и экономическом смысле ключом к экономически безграничному потенциалу так называемого большого АТЭС, доля которого в мировой торговле к 2010 г., по прогнозам, приблизится к 55–60%.

Хотя Россия к настоящему времени достигла определенных успехов, участвуя в работе наиболее значимых межправительственных организаций и бизнес-объединений стран АТР, при этом ни страна в целом, ни Дальний Восток не смогли занять достаточно заметного места в международной торговле и на рынке капитала в АТР. Конечно, Дальний Восток России максимально ориентирован в экономическом смысле на рынки стран Северо-Восточной Азии. Если

их доля во внешней торговле федеральных округов европейской части России составляет от 5 до 10%, в Сибирском федеральном округе – 17,5%, то в Дальневосточном на них приходится 77% внешнеторгового оборота.

Однако речь должна идти не просто о доле в торговом обороте и даже не о сравнительных успехах в привлечении инвестиций. Кстати, Дальний Восток России находится на 3-м месте после Москвы и нефтяных районов Сибири по объему привлеченных прямых иностранных инвестиций. Все-таки наибольшей проблемой и привлекательной перспективой представляется органичное включение в кооперационные процессы в Северо-Восточной и Восточной Азии, а через них и превращение России в активного и эффективного игрока в тихоокеанском сегменте глобальной экономической игры.

Достижение такой цели необходимо оценить как вызовы для России и ее тихоокеанской провинции – Дальнего Востока. Очень важно оценить объективные возможности ответить на эти вызовы.

Отмечу следующие аспекты интеграции России в АТР.

□ *Интеграционно-геостратегический.* Очевидным является изменение характера азиатского окружения России. Если в 80–90-е годы в качестве лидеров рассматривались Япония и так называемые новоиндустриальные страны, то в настоящее время безусловными фаворитами азиатской и в значительной мере мировой экономики все в большей мере становятся Китай и Индия. Для Дальнего Востока России важнейшую роль играет изменение места и роли Китая, который в мировой экономической иерархии выходит на лидирующие позиции как в производстве, так и в потреблении ресурсов, прежде всего природных. В современной ситуации Китай для России – это одновременно и визави в конкурентной борьбе, и барьер при выходе на международные рынки товаров и инвестиций, и в то же время потенциально выгодный экономический партнер.

Северо-Восточная Азия не является однородным экономическим или политическим регионом. Это очень сложное экономико-политическое образование, в котором выделяют-

ся две части. С одной стороны, это «большая тройка» – Япония, Китай и Республика Корея, где накоплен огромный потенциал: капиталы, технологии и др. С другой стороны, – периферия: Дальний Восток России, Монголия и Корейская Народная Демократическая Республика. Эта периферия чрезвычайно размыта и не имеет ясной стратегии развития. Хотя в сравнении с ЕС или НАФТА роль региональной торговли Северо-Восточной Азии пока еще невелика и находится в последние годы на уровне 24–30%, в пределах «большой тройки» она постоянно увеличивается, замыкая экономическое взаимодействие рамками этих экономик. Доля России в товарообороте Северо-Восточной Азии едва превышает 1%.

При этом «большая тройка» ведет активные действия, направленные на создание подлинной интеграционной группировки, первоначально в форме зоны свободной торговли. Одновременно идут активные консультации об объединении в ближайшем будущем зон свободной торговли Северо-Восточной Азии и стран Сиам. Очевидно, уже к 2010 г. России может противостоять не опасный конгломерат этих стран, а организованная интеграционная группировка, для которой она будет третьей страной. Это означает, что Россия окончательно окажется на периферии глобализационных процессов и сможет получать лишь ту часть интеграционных эффектов, которую сочтет возможным выделить ей восточноазиатский партнер.

□ *Ресурсный.* До сих пор в России господствует модель экономической кооперации в Северо-Восточной Азии, основанная на предположении о невозможности экономического развития «большой тройки» без доступа к природным ресурсам Дальнего Востока. Богатство региона природными ресурсами по умолчанию полагается основой естественного разделения труда. Действительно, если экономических лидеров Северо-Восточной Азии лишить экономических ресурсов, а единственным их источником является наша страна, то Россия просто обречена на роль партнера этих стран. Но главное заключается в том, что не нужно прикладывать усилий для

развития этой кооперации. Так называемая «невидимая рука рынка» якобы неотвратно приведет к автоматическому развитию по этой примитивной модели.

Как раз здесь и кроется ловушка. Эта «невидимая рука рынка» перечеркивает зависимость «большой тройки» от российского сырья в современной экономике в связи с тем, что, во-первых, прогрессирующая глобализация товарных и иных рынков ослабила зависимость отдельных стран от размещения сырьевых ресурсов и иных факторов; во-вторых, сырьевые ресурсы России и ее тихоокеанской провинции чрезвычайно разнородны с точки зрения их влияния на экономики стран Северо-Восточной Азии.

Дальний Восток является монополистом для стран Северо-Восточной Азии лишь в области энергетических ресурсов (прежде всего нефтегазовых), лесных и рыбных. При этом парадокс в том, что из-за высоких удельных затрат выгодна только добыча или самая первичная переработка сырья. Но при этом экспорт необработанного сырья подрывает перспективы экономики. Этот парадокс постоянно воспроизводится на Дальнем Востоке, и в результате создалась ситуация, когда ресурсы в регионе и России есть, но их рентабельное освоение и извлечение кооперативных выгод на международной арене противоречат друг другу.

□ *Инфраструктурный.* Именно сейчас на наших глазах оформляется новая версия концепции развития восточных районов России. Она заключается в широкомасштабном использовании экспортно-энергетических ресурсов и транспортных услуг на основе развития инфраструктуры. Речь идет о создании магистральных коридоров для передачи в АТР и страны Северо-Восточной Азии российских энергоресурсов и энергопродукции, а также транзита европейской и азиатской продукции. Проектируемая инфраструктура создает не просто новый сектор международной экономической специализации восточных регионов РФ, меняется весь перспективный облик этих регионов. Традиционная энергодефицитность в перспективе должна смениться на энергоизбыточность. Соответственно, Дальний Вос-

ток превратится в регион производства и экспортоориентированного транзита мощных потоков углеводородов, электроэнергии и угля в направлении центров энергоиспользования в странах Северо-Восточной Азии. При этом ожидаются ежегодные финансовые обороты только по этому сегменту торговли в 2–3 млрд дол.

Однако сами по себе масштабные инвестиции в энергетическую инфраструктуру, транзитные обороты вряд ли смогут стать заметным стимулом развития и повышения благосостояния региона. Нефтегазовые проекты, автомагистрали, транспорт и энергоносители действительно капиталоемки и высокодоходны в эксплуатации. Но при этом используют мало рабочей силы, сосредоточиваются на ограниченной территории и, соответственно, создают очень ограниченные ареалы благополучия.

□ *Мотивационный.* Лет 15 назад с китайской стороны с завистью смотрели на российскую, которая была ярко освещена, где были дороги и комфортабельное жилье. Сейчас все изменилось. Мотивация китайских приграничных провинций в принципе ясна. Распределение доходов от торговли с Россией построено таким образом, что территории прямо заинтересованы в развитии сотрудничества: чем больше торговый оборот, тем лучше жить в этих приграничных городах и поселках.

Подобной мотивации нет у дальневосточных районов и городов. Сохранение сложившегося мотивационного парадокса, когда расширение сотрудничества увеличивает не массу возможностей, а массу проблем, чревато повторением 1994 г. Тогда, впервые столкнувшись с таким парадоксом, субъекты Федерации на Дальнем Востоке фактически заблокировали либерализационный путь развития приграничного сотрудничества, во многом предопределив нынешние институциональные проблемы.

Кстати, недавно появились «многообещающие» заявления капитанов российского бизнеса, особенно в области легкой промышленности, о том, что надо бы вообще закрыть всю эту «приграничную суету» на китайской границе и пе-

рейти к цивилизованным формам торгового общения. Закрывать-то можно, уже закрывали, и при этом очевидны выгоды для крупного бизнеса и корпоративных бюджетов. Что будет с этим самым мотивационным парадоксом, предвидеть нетрудно: будут закрыты те даже небольшие возможности, которые сейчас есть у приграничных городов.

□ *Конкурентный.* Включение страны в интеграционные группировки, как и вообще успешное функционирование в рамках глобальных финансово-экономических структур предполагает формирование определенных ниш международного разделения труда, которые основаны на конкурентоспособных в международном смысле кластерах внутри национальной экономики. В Северо-Восточной Азии сегодня подобных ниш для России и Дальнего Востока осталось очень немного, если они вообще еще остались. Практически все ниши, связанные с более-менее технологичным производством вторичного и третичного секторов экономики, уже сконцентрированы в руках «большой тройки».

Прогрессирующее закрепление этих ниш (автомобилестроение, судостроение, морские перевозки, промышленная и бытовая электроника, электротехнические товары, текстиль и обувь, игрушки, информатика, связь, черная металлургия, логистика, пищевая промышленность – почти вся экономика) основано на монополизации рынков факторов производства, в первую очередь, рынков капиталов и технологий. Из 425 млрд дол. прямых иностранных инвестиций, которые импортированы странами Северо-Восточной Азии в 1996–2003 гг., на субъекты Федерации Дальнего Востока приходится 3,6 млрд дол., или 0,8%. Более чем на 90% эти капиталовложения оседают преимущественно в сырьевом секторе экономики. Почти все эти инвестиции идут в сахалинские углеводородные проекты.

Как следствие, региональная «голландская болезнь» становится все очевиднее. И объективные события все более свидетельствуют о закреплении за Дальним Востоком только двух конкурентоспособных ниш. Это топливно-энергетическое сырье и лес, а также услуги по транзиту грузов, в первую очередь опять-таки топливно-энергетических.

Таким образом, современная асимметрия товарной структуры торговых потоков Российского Дальнего Востока в страны Северо-Восточной Азии – не временная неправильность, а жесткая тенденция, которая не может быть преодолена самим регионом. Более того, именно эта тенденция поддерживается сейчас и политикой государства.

Какие же возможности существуют для России в этой ситуации? Их несколько.

1. Концептуальная. Следовало бы попытаться использовать в качестве ресурса регионального развития эффект масштаба при эксплуатации имеющихся ресурсов не только на Дальнем Востоке, но и в целом в восточных районах страны. В частности речь идет об использовании углеводородов за счет подключения спроса на энергию в странах АТР и Северо-Восточной Азии, а также инфраструктурной ренты транспортных и энергетических межконтинентальных коридоров.

Существует, как представляется, минимум четыре канала распределения этой совокупной ренты. Во-первых, она присваивается крупными корпоративными агентами, которые и финансируют создание этих коридоров. Во-вторых, косвенным образом, как мультипликатор экономического развития, эта рента будет присваиваться нашими соседями по Северо-Восточной Азии, особенно Японией, Китаем и Кореей. В-третьих, она будет присваиваться западносибирскими и европейскими регионами России, которые будут эксплуатировать транспортные энергетические части транзитного канала для экспорта своей продукции. И только в последнюю очередь рентой, так же как и финансовыми отчислениями и косвенными эффектами от нее, смогут воспользоваться собственно дальневосточные субъекты Федерации.

Поэтому, во-первых, следовало бы разработать эффективную схему распределения потенциальных доходов, в рамках которой тихоокеанская Россия будет являться полноправным реципиентом. Во-вторых, необходимо создать условия для перехвата части дополнительных доходов у партнеров по Северо-Восточной Азии, то есть для перераспределения мультипликативного эффекта в пользу Дальнего Востока.

Для этого предлагается несколько экзотическая концепция дополнения транснационального транспортно-энергетического коридора формированием промышленно-сервисной дуги. Речь идет о реализации давней идеи создания на Тихоокеанском побережье экономической контактной зоны с сопредельными экономиками стран Восточной Азии. Такие дуги географически должны опираться на промышленно-логистические сервисные узлы в Благовещенске, Хабаровске, Комсомольске, Уссурийске, Владивостоке и Находке.

При условии создания комфортной институциональной среды может появиться реальная возможность превратить эту промышленно-сервисную дугу в своеобразный фильтр, который будет поставлен на пути транспортных и энергетических потоков. Этот фильтр будет преобразовывать часть экспортных потоков продукции и услуги, они, в свою очередь, в значительной части будут экспортироваться в страны Северо-Восточной Азии, принося повышенные доходы. В результате может сформироваться нечто вроде регионального мультипликатора.

2. Институциональная. Это создание справедливой и эффективной системы распределения доходов от приграничного сотрудничества.

3. Геополитическая. Одной из важнейших задач является активное лоббирование необходимости для России, равно как и для «большой тройки» в Северо-Восточной Азии, включения в процесс формирования зоны свободной торговли и всех последующих этапов экономической интеграции Северо-Восточной Азии. Эта геополитическая стратегия должна стать общей оболочкой всех дипломатических, экономических и военно-политических инициатив России в Восточной Азии.